

...Для рыбы он обладает большим интеллектом.

Не зная, чего именно она хочет, Наруто приседает еще ниже, внимательно изучая кои. Он смотрит прямо в ответ, и в его взгляде все еще чувствуется странное ожидание. Наруто достает из коробки еще один кубик, и рыбка снова взволнованно хлопочет. Она явно хочет его получить, просто, похоже, ей не нравится способ доставки.

Чувствуя себя немного глупо из-за этого, Наруто поворачивает дыню так, чтобы она лежала на его ладони в мягкой клетке пальцев, и опускает руку под воду, на этот раз держа ее, а не позволяя ей плыть. Вероятность того, что рыба подплывет прямо к нему...

Но прежде чем он успевает закончить мысль, кои, грациозно взмахнув гладким телом, просовывает голову между пальцами Наруто, чтобы достать зажатое там лакомство, и всасывает его прежде, чем Наруто успевает отдернуть руку. Наруто с недоумением наблюдает за тем, как рыба поглощает лакомство. Закончив, она порхает вокруг его руки, игриво обглаживая теперь уже пустые пальцы. Наруто хихикает и садится на мелководе, шевеля пальцами обеих рук, чтобы разделить внимание рыбы между ними. Кои радостно кружится вокруг него, повторяя движения его рук и шныряя между запястьями, чтобы угнаться за течениями, которые он вызывает к жизни. Он слегка вздрагивает, когда от этих движений на костяшках пальцев появляются трещины, и из ранок вытекают струйки крови. Рыба приостанавливает свои игривые броски, наблюдая, как дымчатые завитки красного цвета закручиваются в спираль и растворяются в речном потоке.

Она медленно плывет вперед, словно кои боится напугать его, а не наоборот, все ближе и ближе, пока ее голова не оказывается почти прижатой к его рукам, упирающимся в воду между коленями, первые костяшки которых соприкасаются.

Он едва не подпрыгивает, когда чувствует безошибочный гул чакры, излучаемой его руками, нарастающий до тех пор, пока в воде не начинает мерцать мягкий золотистый блеск. Сияние мягко перекачивается по коже, просачиваясь в трещины и щели между пальцами, словно бальзам. На несколько мгновений оно замирает под кожей, а затем свет полностью исчезает.

На его месте остается чистая, не поврежденная плоть, единственный признак повреждений - похожие на виноградные лозы ползущие вверх глены от точек чакры на запястьях. Когда он поднимает голову, кои уже исчезли, а единственным признаком их присутствия осталась полоска золотистой чакры, ведущая вверх по реке.

Эта встреча - первая, а в итоге их будет пять.

<>

Вторая произошла поздно вечером того же дня, когда он наконец остановился отдохнуть,

вытаскивая из-под обломков, ила и перемолотых костей вражеских шиноби скелет за скелетом из южной половины города, как нин Узушио, так и гражданских. Он полагает, что чакра, тянущаяся к нему от их костей, - результат действия какой-то печати, силы, вызывающей к родственникам. Он укладывает их в единственной чистой части города, которую ему удалось найти, единственном месте, не заваленном разрушенными зданиями или землей, вывороченной в результате какой-то атаки. Это торговая площадь, или городской круг, или что-то в этом роде - круглая площадка из бледного камня с выложенной на ней мозаикой водоворота из темно-серого камня. Сама мозаика потрескалась и разбилась, целые участки ее полностью отсутствуют, но бледный камень под ней цел и невредим, на его поверхности нет ни малейшей трещины.

Каждый раз, когда он укладывает на площади очередное тело, у него возникает впечатление, поток чужой памяти, который дает ему представление о том, кем они были. Кузнец, учитель-чунин, охотник-нин, лавочник. С каждым из них он начинает собирать воедино то, как выглядела жизнь до нападения - команды генинов, проводящие учения по воде залива, гражданские, стоящие на мостах и машущие шиноби, идущим по реке вниз, странные люди в мантиях, не являющиеся шиноби, но и не гражданские. Он знает, что разбитое здание из дерева и стекла в дальнем конце долины рядом с водопадом когда-то было вольером, знает, что в башне, которая лежит разбитой на берегу реки, раньше находился кабинет Арашикаге, знает, что эта площадь использовалась для всевозможных церемоний, праздников и похорон.

Он сидит на холме неподалеку от него, с видом на каменный круг, и старается не поддаваться эмоциям: горе, потеря, боль. Ведь они больше не просто трупы. Теперь он знает их по крупичкам и вспышкам, знает, кем они могли бы быть и кем никогда не были, и это гораздо хуже, чем знать. Их духи тяжким грузом лежат на его плечах, и теперь, когда он остановился, чтобы отдохнуть, ему очень трудно дышать, сопротивляясь этому. Руки - единственное, что сейчас не болит, как будто благословение того странного кои все еще остается там, даже боль от гнилой чакры в крови кажется притупленной.

Он знает, что ему нужно поспать, но не представляет, как ему это удастся, когда в его мыслях проносятся сотни моментов из сотен непрожитых жизней. Он делает глубокий вдох, борясь с отчаянием, потому что в тех мгновениях, которые он видел, есть не только боль и потеря. В них есть жизнь, свет и частички душ, и, может быть, если он не может вытеснить эти моменты и воспоминания, он может принести их в дом, убедиться, что он помнит то, что никто другой никогда не узнает, убедиться, что он может вспомнить, каким был Узушио, а не то, чем он является сейчас.

Может быть, он сможет повесить их моменты на свое сердце и помнить о них.

И вот он прислоняется спиной к разрушенной стене позади себя, смотрит на звезды, начинающие проглядывать сквозь тусклый свет сумерек, оставшихся после заката, и освобождает место для их кусочков вместе со своими.

<>

Треск и шорох выбивают его из колеи гораздо позже, когда звезды превратились из

разрозненных булавочных уколов в реку света, несущуюся по небу. Он поворачивается и моргает, положив одну руку на кирпич у себя за спиной, готовясь к бою или бегству. Сначала он не видит ничего, кроме просторов леса, дубов, тисов и редких ив, зарослей кустарника между стволами. Но вот он отгоняет отголоски звездного света на сетчатке глаза и привыкает к ветру теней, отбрасываемых лесом.

Между толстыми стволами двух тисовых деревьев стоит огромный олень, его двенадцатиконечные рога почти не видны на фоне извилистых ветвей. Наруто замирает, вспомнив слова Шикамару о том, что разъярённый олень может быть не менее опасен, чем любой хищник, - он способен наброситься на него с острыми колющими рогами и ударами, сокрушающими кости.

Однако олень не выглядит взволнованным, и единственное движение - это подергивание его сжатых ушей в ответ на стук ног Наруто по траве и удары его руки о кирпичи. Глаза оленя - ярко-зеленые, выделяющиеся на фоне угольно-серой шерсти, как камень перидот, нервно-спокойные и ненормально мудрые. Долгое время они смотрят друг на друга - голубые глаза Наруто, яркие и испуганные, заперты на мягких изумрудных глазах великого оленя. В конце концов, существо наклоняет массивную голову, и его рога опускаются, выходя из-под прикрытия деревьев. Когда рога наклоняются, они ловят звездный свет и вспыхивают золотистым светом, ярким и неуместным в окружающей обстановке, безошибочно похожим на золотые доспехи кои. Наруто чувствует, что его оценивает это древесное существо, которое, как бы сильно оно ни походило на оленя и ни вело себя как олень, таковым не является.

Когда Наруто не двигается, он снова делает шаг вперед, голова его опускается, когда он подходит ближе, и он тяжело дышит через морду. Взгляд его меняется с подозрительного на любопытный, и он делает еще несколько длинных шагов вперед, пока не оказывается лицом к лицу с Наруто, который по-прежнему скрючился, едва дыша, у разбитой стены. Зверь смотрит на Наруто сбоку, а голова опускается еще ближе, и Наруто чувствует, как воздух над его головой колышется от каждого малейшего движения огромных рогов.